

Трактирный слуга заворожённо застыл. На юноше было даосское одеяние — видать, с какой-то священной горы. Но парень казался совсем зелёным, вряд ли у него достало бы сил сотворить истинное чудо.

И верно: уже на четвёртом выпаде юноша дрогнул. Тяжёлая ладонь воина Армии Таинственных Символов с глухим треском обрушилась ему на плечо. Силища у того была нечеловеческая — такой удар легко раскрошил бы гранитный валун. И хотя Су Цзюгуй уже тогда закалял тело, боль ослепила его. Горлом хлынула кровь. Стиснув зубы, он извернулся и вонзил оружие прямо в ладонь врага, на миг сковав его движение.

— Беги! — истошно закричал Су Цзюгуй.

Слуга понимал, что этот малец выигрывает для него драгоценные мгновения. Дома ждала семья, медлить было нельзя.

— Выживешь — ищи меня в Переулке Лоханей! — крикнул он на бегу. — Спросишь семейство Вэнь!

С этими словами он бросился прочь. Здесь, где насмерть схлестнулись бессмертные и твари, простому человеку делать было нечего.

Су Цзюгуй опешил.

«Что он сказал? Семейство Вэнь?»

Прежде он думал, будто Вэнь Ци просто хвастался, уверяя, что это их родовое гнездо и предки его исстари селились в этих краях. Вэнь Ци ещё поминал какого-то даоса, сулившего ему стезю совершенствования. Сам же Су Цзюгуй когда-то в шутку обронил, мол, задолжал его предкам за помощь.

Неужто он и впрямь встречался с родом Вэнь давным-давно? Этот парень невольно выручил его. Но ведь вокруг лишь морок, свитый Змеёй кошмаров. Способны ли чужие грёзы переписать явь?

Мимолётная слабость в бою смертельна. С сухим треском лопнул деревянный шест — обычная палка не могла долго сдерживать натиск, даже подпитанная жалкими крохами духовной силы. Воин Армии Таинственных Символов яростно взмахнул ручищей, и Су Цзюгуя отбросило назад. Он тяжело рухнул в глубину проулка.

Сверху посыпалось крошево битого кирпича, спину обожгло болью, а губы вновь окропила тёплая кровь.

Проклятый кошмар запер его в теле подростка. Сейчас он — всего лишь послушник, едва

отучившийся пять лет на Горе Великой Чистоты и познавший лишь азы даосских искусств. Память великого Лу Юньцзи ничем не могла помочь: законы навязанного сна не позволяли прибегнуть к заклинаниям, которые не соответствовали его нынешнему возрасту.

Змея кошмаров безраздельно властвовала над этим пространством. Любые попытки вырваться казались тщетными, и то, что он сумел уложить двоих бронированных исполинов, уже граничило с чудом. Сяобай не ошибся: погружаться в сон внутри сна — чистое безумие.

Нужно бежать.

Отступать столь позорно не хотелось, но для неокрепшего юноши это был единственный разумный выход.

Стиснув зубы, Су Цзюгуй не стал тратить время на поиски нового оружия и скользнул в неприметный боковой проход. Исполинские латы преследователей сослужили им дурную службу: втиснуться в узкие щели между домами они не могли, подобно тому как крупный зверь тщетно силится пролезть в лисью нору. Заметив, что погоня стихла, Су Цзюгуй прислонился к холодному кирпичу.

Грудь ходила ходуном, каждый вдох отзывался острой резью в покалеченных рёбрах — сказывался недостаток духовных сил. Он закрыл глаза и сосредоточился, восстанавливая дыхание по заветам наставников с горы Тайциншань.

Неожиданно носок его сапога коснулся чего-то влажного. Опустив взор, юноша вздрогнул: ткань потемнела, пропитавшись багровой, почти чёрной жижей. Стоило шевельнуть ногой, как раздался едва слышный липкий хлюпающий звук.

Он стоял посреди лужи запекшейся крови.

Лишь теперь, оглядевшись, Су Цзюгуй в полной мере осознал масштабы трагедии, постигшей некогда цветущий Город между Облаками. Узкий проулок был завален свежими трупами. Тела громоздились друг на друге от самого начала улицы до глухого тупика. Из-за тесноты несчастные даже не могли распрямиться перед кончиной, так и замерев в нелепых, скорбных позах. Над мертвецами с тяжёлым гулом роились тучи жирных мух.

В прошлой жизни Су Цзюгуй повидал немало смертей. Он полагал, что давно очерствел, но человеческое сердце оказалось куда более уязвимым, нежели ему хотелось верить.

Ближе всех лежал старик. Черты его лица исказила предсмертная судорога ужаса, а нехитрый скарб из распоротых узлов сиротливо валялся в грязи. Драгоценности и монеты, если они и были, давно утащили мародёры; уцелели лишь поношенные тряпки да копеечные безделушки. Несчастный явно пытался спастись бегством, но пал жертвой грабителей у порога собственного дома.

Смертельный удар пришёлся в горло — ровный, чистый срез указывал на добротный клинок. В столь узком проходе, где двое едва ли могли разойтись плечами, неповоротливым воинам в тяжёлых латах было не развернуться. Старика погубил человек.

Су Цзюгуй замер. Ему в голову пришла зловещая мысль: демоны никогда не марали руки, истребляя горожан в одиночку. Это было слишком долго и хлопотно. Куда проще объявить День Резни — три дня полнейшего беззакония, когда вора, разбойникам и низшим тварям дозволено творить любое насилие. Для кровожадной нечисти такое пиршество становилось праздником.

Владыки демонов предпочитали, чтобы люди уничтожали друг друга сами. В этом крылась их истинная суть. Излюбленная забава демонических заклинателей — приносить в жертву целые селения, чтобы напиться чужой яростью и отчаянием. Злоба и страх обречённого города станут пищей для захватчиков на долгие месяцы.

Кошмар перенёс его именно сюда не случайно: старый Юньцзянь обратился в сущий ад. Доверять нельзя никому — любой встречный вонзит тебе нож в спину. Против юноши ополчился весь город.

И пускай это был лишь морок, Су Цзюгуй отчётливо понимал: перед ним оживала подлинная история. Когда-то в этих грязных переулках действительно лилась живая кровь. Прошлое неизменно, и сейчас он не в силах спасти несчастных — ему остаётся лишь бежать, спасая собственную шкуру.

Юноша опустился на одно колено перед мертвецом и бережно прикрыл ладонью его остекленевшие глаза. Губы сами собой зашептали слова Молитвы Упокоения. В те далёкие годы, когда он только-только прибыл на Тайциншань и был слишком слаб для великих свершений, облегчение участи ушедших оставалось его единственным ремеслом.

То ли сказывалась природа его расколотой души, то ли законы призрачного мира сыграли свою роль, но сейчас он отличался от себя прежнего: Су Цзюгуй воочию зрел неприкаянные души.

Едва стих последний слог молитвы, как над головой старика соткалась тонкая струйка призрачного дыма. Какой в этом прок? Прошлое не переписать. И всё же этот кошмар казался настолько осязаемым, что юноша не мог поступить иначе. Слово за словом, чеканная даосская песнь разносилась по тесному тупику, увлекая дух усопшего ввысь.

На мгновение Су Цзюгую почудилось, будто он вновь стоит у порога мастерской Цицяо, где точно так же провожал в последний путь бесприютные тени.

Порывшись среди тел, он отыскал короткий кинжал. В дни великой смуты даже самые мирные обыватели прятали за пазухой хоть какое-то оружие. Юноша сделал пару пробных взмахов — клинок лёг в руку как влитой.

Вдруг ухо уловило тихий шорох. Мгновенно перехватив рукоять обратным хватом, Су Цзюгуй ушёл в глухую оборону и резко обернулся.

Тот, кто крался следом, испуганно замер на месте.

Су Цзюгуй нахмурился.

Перед ним стояла совсем юная девушка в простом зелёном платье. Она глядела на него широко распахнутыми глазами, и среди груды окровавленной плоти казалась хрупкой весенней травинкой, чудом уцелевшей под копытами коней. Робко стиснув подол, она не смела сделать и шага.

— Ты... ты не видел мою сестру? — едва слышно спросила она.

— Нет, — коротко отозвался Су Цзюгуй. Из всех обитателей этого наваждения он успел повстречать лишь расторопного трактирного слугу.

— Она примерно твоего роста, — девушка неловко очертила ладонью воздух у своего плеча. — И на вид ей столько же, сколько тебе. Точно не видел?

— Нет.

— Если вдруг встретишь её... умоляю, скажи мне. Я так за неё боюсь, — тихо вздохнула она.

Су Цзюгуй нахмурился сильнее. В чужих кошмарах затаённые страсти и навязчивые идеи всегда разрастались до невероятных размеров. Судя по всему, разум несчастной занимала лишь одна-единственная мысль — отыскать пропавшую сестру.

— Хорошо, — ответил он, не переставая вслушиваться в окружающие звуки. Лишившись лисьего обличья, он утратил и былое чутье, а потому приходилось полагаться на обычный человеческий слух, чтобы вовремя заметить приближение врагов.

— Тогда... — девушка заметила его настороженность. — Может, пойдёшь со мной?

Су Цзюгуй смерил её недоверчивым взглядом. Всё это выглядело донельзя подозрительно. Сам он с головы до ног был заляпан чужой кровью, а в разгар резни даже малое дитя ведало, что доверять первому встречному — верная смерть.

Поняв, как нелепо звучит её предложение, незнакомка смутилась. Но мгновение спустя на её лице расцвела удивительно чистая, светлая улыбка.

— Я видела, как ты отпевал тех бедняков, — кротко пояснила она.

В её искренности не приходилось сомневаться — она действительно сочла даосский обряд милосердия чем-то из ряда вон выходящим. По всем законам здравого смысла Су Цзюгую следовало развернуться и уйти, однако от девчушки веяло странным покоем. Никакой паники, столь естественной для гибнущего города, в ней не угадывалось. Пока жители Юньцзяня метались в тисках ужаса, она умудрялась улыбаться так, словно вокруг не лились реки крови.

Либо она искусно притворялась, либо от рождения была лишена обычных чувств и воспринимала происходящий кошмар как забавную игру.

Впрочем, на здешних призрачных путях безумие нередко оказывалось единственной нормой. Змея кошмаров вольна была крутить образы как ей вздумается, но совладать с собственной сутью не могла. Что, если эта девица как-то связана с хозяйкой наваждения?

— Так ты идёшь? — её лицо подёрнулось грустью от его долгого молчания.

Су Цзюгуй рассудил, что в пространстве грёз глупо уклоняться от встреч. Нужно принимать правила игры и проверять каждую зацепку, иначе бегство превратится в бесконечный бег по кругу.

Он спрятал кинжал за пазуху и кивнул:

— Веди.

Юноша последовал за своей новой спутницей. Хитросплетение улочек напоминало лабиринт, в котором чужаку ничего не стоило сгинуть без вести — неудивительно, что тяжеловооружённые патрули не рискнули сунуться сюда. Но девочка ориентировалась без труда, ни на миг не задумываясь на многочисленных развилках.

Вскоре она остановилась у не приметной калитки, едва достигавшей трёх чи в высоту. Даже Су Цзюгую в его нынешнем подростковом теле пришлось согнуться в три погибели, чтобы пролезть внутрь.

Едва они переступили порог, как девчушка поспешно задвинула тяжёлый засов. Ловко управившись с замком, она виновато взглянула на гостя:

— Прости... Боюсь, как бы нечисть не ворвалась.

В эти проклятые дни всякий разумный человек запирался на семь замков. Поведение девчонки выдавало лишь понятную осторожность, так что Су Цзюгуй не придал её словам значения. Куда больше его занимало убранство двора.

Маленький квадратный дворик выглядел на редкость причудливо. Прямо посреди него тянулся ровный ряд из четырнадцати глиняных ваз: самые крошечные едва превосходили размером большой палец, а наиболее крупные доходили юноше до пояса. Удивительно, как в разгар погромов эти хрупкие сосуды уцелели и стояли без единой трещины. Перед ними высился длинный стол, на котором красовались пунцовый вышитый шар, пёстрый бамбуковый короб и отрез алого шёлка.

Такие вещи обычно держали уличные комедианты и фокусники.

— Не обессудь, — застенчиво улынулась хозяйка. — Это мои приспособления для репетиций.

Су Цзюгуй смерил взглядом утварь.

— Репетиций?

— Ну да, — закивала она. — Сестра говорит, утреннюю разминку пропускать нельзя. Моя задача — научиться заползать внутрь каждого сосуда.

«Заползать внутрь?» Даже самые вместительные горшки едва ли укрыли бы бродячего акробата, обученного складываться втрое. Обычный человек никак не смог бы протиснуться в столь узкое горлышко.

— Ты из рода демонов? — озвучил он свою догадку.

Низшие духи и оборотни обычно ярились, когда люди раскрывали их природу. Однако девочка ничуть не рассердилась. Напротив, её личико просияло, будто его догадливость была для неё величайшей похвалой.

— Ой, какой ты проникательный!

— И для чего же подобные ухищрения? — поинтересовался Су Цзюгуй.

— Чтобы выступать перед публикой, — звонко отозвалась она.

Этого и следовало ожидать. Обратней без сильной родословной презирали; в мире людей им оставалось лишь забавлять толпу ради куска хлеба — точь-в-точь как Ло Цяоцяо с его театром теней или лисьи куртизаны на реке Небесной Воды.

— Правда, порой я ещё помогаю людям уснуть, — добавила она.

Су Цзюгуй невольно вскинул брови. Что она имела в виду под «помогаю уснуть»? Неужто

торговлю собой? Слишком уж простодушно она об этом толковала. Девчушка казалась совсем невинным дитятей. Будь это земли под сенью Горы Великой Чистоты, даосы никогда бы не допустили подобного непотребства. В душе юноши шевельнулась искренняя жалость.

— Ты брезгуешь мной? — тихо спросила она.

— Вовсе нет, — покачал головой Су Цзюгуй. — В каком-то смысле мы с тобой товарищи по ремеслу.

Тут он не покривил душой. Позже, приняв обличье лисьего куртизана, он действительно разделил долю тех, кто вынужден ублажать господ.

Услышав это, незнакомка радостно встрепенулась:

— Правда? Ты тоже умеешь насылать сны?

Су Цзюгуй застыл.

«Насылать сны?»

Девчушка, истосковавшаяся по живому общению и обретшая родственную душу, затараторила взахлёб. Она и не заметила, как сильно переменился в лице её гость.

— Вообще-то я раньше этим не промышляла, — лепетала она, сияя от счастья. — Просто заглядывала в чужие грёзы поиграть. Но потом заметила, что многие по ночам изнывают от бессонницы. Я дарила им покой. А если у кого на сердце лежала тяжёлая обида или тоска, я помогала распутать этот узел. Сестра твердила, что я помогаю не хуже настоящего лекаря. До этой жуткой резни ко мне толпами шли за исцелением!

Су Цзюгуй неприметно сжал рукоять спрятанного клинка. Стараясь ничем не выдать своего волнения, он тихо спросил:

— Как твоё имя?

— Шэньюй, — беззаботно отозвалась она. — Дева-змея.

Оружие в ладони юноши словно налилось свинцом. В памяти всплыл недавний разговор с лодочником на реке Небесной Воды. Тот божился, уверяя, что бесчинствующий в реке речной демон — непременно баба, коварная и злая.

Погрузившись в опасный сон внутри сна, Су Цзюгуй рисковал жизнью, но сумел нащупать

сокровенную суть Змеи кошмаров. Замысел удался: он проник в её прошлое.

Когда-то, до того как сгинуть в водах реки Небесной Воды, эта тварь обладала плотью и кровью. Она искренне считала себя целительницей, облегчающей людские страдания. И Су Цзюгуй верил, что поначалу её помыслы были чисты. Но какая сила превратила невинное дитя в кровожадное чудовище, сгубившее сонмы невинных душ? Виной ли тому трагедия Дня Резни? Ведь сейчас перед ним стояла лишь наивная, глупенькая девчушка.

Рассказывая, Дева-змея то и дело облизывала пересохшие губы. Заметив это, Су Цзюгуй спросил:

— Тебе нездоровится? Жажда мучает?

Девчушка мотнула головой и крепко сжала кулачки, жалобно уставившись на гостя.

— Я голодна, — прошептала она со смесью стыда и мольбы. — Ужасно голодна.

Голод для нечисти — страшная мука. Теряя силы, дикие твари лишаются рассудка, уступая первобытным инстинктам.

За воротами гремела битва, отголоски предсмертных криков долетали даже в этот глухой дворик. Попробуй Су Цзюгуй уйти сейчас, он неминуемо угодил бы в лапы мародёров или демонических карателей. В этом кошмаре безопасных мест попросту не существовало.

— Ты прости меня, — удручённо пробормотала Дева-змея. На её лице отразилось искреннее раскаяние. — Раньше сестрица всегда приносила мне еду. Но её слишком долго нет... А я больше не могу терпеть.

Напускное дружелюбие стремительно таяло. Голод брал своё: из-под ворота платья на шею поползла тусклая изумрудная чешуя, затягивая левую щёку холодным узором. Приоткрыв рот, девица обнажила два острых, сочащихся ядом клыка. Раздвоенный язык на миг выскользнул наружу, пробуя воздух. Она была на пределе.

— Можно мне испить твоей крови? — кротко, с изысканной вежливостью спросила тварь.

<http://bllate.org/book/18298/1755154>